

Илья КОЛОДЯЖНЫЙ

ПЕВЕЦ СТРАНЫ ПЕЧАЛЬНОЙ

«Камчатка – страна печальная, гористая, влажная. Ветра почти беспрестанно обвевают её». Так Пушкин представлял себе знаменитый полуостров из петербургского далёка, штудировав труд С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Даже в этих, сугубо «информационных» строках ощущается нечто поэтическое, главным образом, конечно, из-за «страны печальной». Впрочем, могло ли быть иначе? Поэт, он и в географии поэт.

Вообще в этих пушкинских «Заметках при чтении...» для нас есть некая загадка. Почему поэт в конце жизни обратился к истории Камчатки? Что его заинтересовало, что заставило тщательно конспектировать Крашенинникова? Наверное, на это можно ответить вполне определённо примерно так. Познание истории России у Пушкина постоянно шло не только вглубь (во времени), но и вширь (географически). И очень знаменательно, что своё постижение русской истории поэт завершил изучением Камчатки, нашим восточным геополитическим рубежом... И всё-таки здесь остаётся какая-то тайна; тайна, которая наше прозаическое представление о Камчатке окружает поэтическим ореолом.

Для меня, как и для большинства жителей России, Камчатка и сегодня – недосыгаемая, таинственная земля, куда можно добраться только на самолёте. К слову, у меня была возможность – после окончания военно-морского училища – служить на этом далёком полуострове. Но, будучи на плохом счету у начальства, я попал по распределению на «непрестижный» Дальний Восток. Хотя, разумеется, я предпочёл бы глухую, Богом забытую, но в моём воображении более романтическую Камчатку. Однако не довелось. Зато, по-видимому, в качестве компенсации, благодаря корякскому поэту Юрию Алотову и Вячеславу Огрызко (не устающему напоминать столичным критикам о существовании литератур коренных народов Севера), мне довелось совершить путешествие в «страну пе-

чальную» сейчас. Разумеется, это путешествие было чисто поэтическое, ибо летать на Камчатку сегодня могут только олигархи и перелётные птицы, но, думаю, впечатления от него были более светлыми и яркими, чем от настоящего, так как поэтическое турне обычно не омрачается бытовыми неудобствами, как то: ожидание в аэропорту, отсутствие горячей воды в гостинице, поиск нормальной пищи в привокзальных кафе и т.д.

Живя на Камчатке, трудно, наверное, не быть в душе поэтом. В самом деле – извергающиеся вулканы, кипящие гейзеры, стихия океана – всегда поражали воображение, пробуждая в человеке сначала страх, а потом восхищение суровой, грозящей гибелью красотой. Так, постепенно, из восторженных восклицаний, бунтажных проклятий в адрес смертоносных сил природы, шаманских камланий рождалась арктическая поэзия. Являясь ярким её представителем, Юрий Алотов убедительно и образно запечатлел все природные стихии Камчатки, будь то снежная стихия или подземная:

*Пурга. Пурга –
Свирепый выдох
Из уст безглазой пелены.
Снегов, до неба вихрем взрытых,
Стена.
И жуткий визг зимы.*

(«Снежная история»)

*Так извергался Толбачик!
День пересыпало пеплом.
Золь разносило ветром.
Горькая накипь неба
Свет окунала в небыль.*

(«Танец на Пепле»)

Для сущностного понимания поэтического темперамента и поведения Юрия Алотова немаловажен тот факт, что по материнской линии поэт происходит из рода чавчуменов, что переводится как «оленные люди» (то есть оленеводы, ведущие кочевой образ жизни). «Чавчумены – весьма гордый народ» – отмечал ещё в 1755 году в своём исследовании о Камчатке всё тот же Крашенинников. Эта гордость кочевника очень чувствуется в алотовской поэзии.

*Я последнюю весть –
Не прошение, не лесть –
Бездне вечности шлю
Песнь пою, не молю.*

(«Последняя песня шамана»)

Независимый, свободолюбивый характер Юрия проявился и в его жизни. Так, после службы в армии Алотов получил направление на учёбу в Ленинград. Однако вместо города на Неве молодой коряк оказался на Командорах, где жил около двух лет. В итоге вместо институтского диплома он написал цикл стихов, среди которых – отмеченное многими критиками – известное стихотворение «На могиле Беринга», начинающееся сурово и неумолимо:

*В царство буйных ветров
Пущен был на порог.
Лысых, стылых холмов
Взгляд касался и дрог.*

Надо сказать, что у Алотова и потом была возможность получить высшее гуманитарное образование. В 1990 году после выхода в свет его первой книги «Слеги чавчувена» друзья посоветовали ему поступить на филфак педагогического института. Но и вторая попытка окончилась неудачей, правда, на этот раз по вполне «поэтической» причине: устроив накануне вступительных экзаменов вечер поэзии в областной библиотеке, Алотов день сдачи благополучно проспал. Впрочем, отсутствие высшего образования не помешало поэту ответственно относиться к собственному творчеству. Кредо Алотова: «Говорю и пою только то, что умею и знаю». Свою песню-легенду «Жертва вождя» он предваряет такими строчками:

*О край мой вольный и славный!
Достоин ли я петь твою песню?
Умею ли я слышать твою речь?*

Сомнение в своих возможностях – верный спутник подлинного таланта.

Интересно, как Алотов описывает рождение слова у своего далёкого предка-коряка:

*Крик птицы, рык зверя ему были ближе,
Понятней и проще их вольный язык.
Но что за мученье ниспослано свыше
На звуках иных надрывать свой кадык?*

*Долина, река, горизонт воспалённый
Внимали ему. И мой первый пророк,
В свой мир неосознанно-яро влюблённый,
Натужно кривясь, сочинял первый слог:*

– А-а-г, а-йа-а!

– О-о-г, о-йо-о!..

(«Рождение слова»)

Здесь мы видим нескрываемую солидарность Алотова с человеком, произнёсшим первое слово, ибо рождение слова для поэта – всегда в муках:

*Строка на рунном ходе
Верна своей природе.
Страница слов и звуков,
Как нерестовый путь,
Истратится на роды
Рифмованной породы
На стиль, на упрощённость,
На воплощённость в суть.*

(«Суть строки»)

Говоря о своеобразии поэзии Алотова, в первую очередь необходимо отметить, что она неотделима от музыки. Собственно, с музыки всё и началось. Юрий долгое время был известен именно как музыкант, как бард, исполняющий под гитару свои песни. Это своеобразие отразилось в уже упоминавшемся сборнике «Слеги чавчу-вена», где первый раздел занимают тексты, переложённые самим автором на ноты. Кстати, музыкальная деятельность Алотова была высоко отмечена на Камчатке. В 1989 году на областном конкурсе бардов он занял первое место. А через три года на слёте камчатских композиторов им заинтересовались представители российско-германского общества по культурному обмену, которые предложили Алотову выступить с концертами в Германии. Сегодня у Юрия в музыкальном активе два диска: «Легенды Камчачу-Ворона» (2002) и «Странник» (2003).

Признаюсь откровенно, я не отношу себя к поклонникам бардовской музыки. На мой взгляд, она слаба и бедна как текстами, так и голосами. Но в случае Алотова, являющегося представителем малочисленного девятитысячного корякского народа, это, может быть, единственная возможность донести таким образом своё творчество до широкой публики. Увы, сегодня пробиться к людям при помощи книги очень трудно. Особенно если ты живёшь на краю земли. Да, у Алотова вышло три поэтических сборника. Но кто их видел? Все они вышли на Камчатке и ничтожными тиражами (к примеру, первый сборник вышел тиражом 250 экземпляров). Да,

Юрий довольно часто печатается в местной периодике, но кто, положив руку на сердце, может похвастаться хотя бы тем, что когда-нибудь слышал названия таких камчатских изданий, как «Корякский коммунист» и «Знамя Ленина»? А из центральной прессы – насколько мне известно – об Алотове писала и публиковала его стихи только «Литературная Россия». Поэтому бардовская деятельность Алотова носит, помимо всего прочего, просветительский, популяризаторский характер, знакомит слушателей не только с творчеством автора, но и с представляемым через него искусством корякского народа.

Вообще проблема востребованности, услышанности (или прочитанности) для творческой личности, живущей на российской национальной окраине, весьма актуальна. Зачастую чувство невостребованности, отсутствия аудитории, творческой культурной среды приводят художника к апатии, безразличию к собственному дару. Многие, увы, находят утешение и забвение, прикладываясь к бутылке. Этой старинной российской традиции развеивать тоску-печаль отдал дань и Алотов как в жизни, так и в стихах:

*Я сегодня к друзьям
Завалюсь и напьюсь,
И обманутый сам
В их беду окунусь.*

(«Обнимался я с ночью тайком...»)

Кстати, с этой темой связан один курьёзный случай. Алотов как-то написал полушутливое стихотворение «Пьяная деревня», которое начиналось со слов «Баба пьяная корячка». Родная сестра поэта, прочитав его всерьёз, обиделась на брата за столь непочтительное отношение к корякским женщинам и даже пожаловалась местному начальству. По логике, на Алотова должны были обидеться и нымылане (оседлые коряки), которых поэт однажды изобразил тоже в не совсем трезвом виде:

*Загулял нымылан, загулял.
Видно, душу «встряхнуть» пожелал:
«Прочь – велю! Сохни, сеть.
Вешала – подпереть,
И к соседу в деревню «балдеть»!*

В последние годы для своих поэм Алотов использует не только корякские мифы и предания, но и фольклор соседей, эвенов. К

эвенским легендам Юрий обратился в 1996 году, когда он находился в творческой командировке в Быстринском районе.

Там он, между прочим, написал несколько сценариев для национальных спектаклей (в творческом содружестве с Л.Банакановой и Н.Григорьевой). Печатным итогом этой поездки явилась третья книга под названием «Медвежья пурга», выпущенная в 1999 году. В ней Алотов, скрывшийся под псевдонимом Этлой Камчачу (легендарный шаман, расстрелянный в 30-е годы), использовал мотивы древних эвенских преданий, в частности, в одной из них рассказывалось о девушке, которая, зимую в берлоге, выкормила своей грудью ребёнка и медвежонка от скончавшейся при родах медведицы. Как потом признался поэт: «Моя работа над «Медвежьей пургой» осложнялась тем, что я совершенно не знаю эвенского языка, а диалектные различия эвенов севера Камчатки и быстринских зачастую вообще ставили меня или в тупик, или в глупые и смешные ситуации. Тем не менее доброе отношение и соучастие самих эвенов к моему творчеству помогло мне выйти из этого достойно».

Кроме того, Алотов не забывает про свои славянские корни (по отцу он украинец). Им написаны в русском песенном распеве поэма «Камчатские славяне», монолог безрукого фронтовика-сапёра («Казак камчадалый»).

У каждого поэта есть своя заветная мечта, выстраданная всей жизнью. У Алотова она, на мой взгляд, выражена следующими строчками:

*Жить бы и жить
Где-то у скромной реки,
Чистой, застенчиво-светлой,
Суетной лишь по весне.
Быть и быть
Сладкой неубылью, всем вопреки,
Долгой звездой неприметной,
Как бы светящей извне.*

(«Жить бы и жить»)

Какая чистая и мудрая мечта, не правда ли?

Илья Владимирович Колодяжный родился в 1973 году в Ленинграде. После окончания Высшего военно-морского инженерного училища служил на Тихоокеанском флоте. Занимается драматургией и литературной критикой. Живёт в Москве.